

МОТИВ "СКАЗОЧНОЙ ТРОПЫ" В РОМАНАХ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

Баракат Екатерина Александровна

магистрант, бакалавр филологии, Российский государственный гуманитарный университет, РФ, г. Москва

The motif of "fairytale path" in Vladimir Nabokov's works

Ekaterina Barakat

Graduate of the Department of Translation Theory and Practice, Bachelor of Philology, Russian State University for the Humanities, Russia, Moscow

Аннотация. Произведения Владимира Набокова неразрывно связаны друг с другом. Один из таких связующих звеньев представляет собой мотив "сказочной тропы". Цель настоящей работы — исследовать этот мотив, актуализирующий, среди прочего, тему отношений творца и его творения, и концепцию двоемирия.

Abstract. The works of Vladimir Nabokov are inextricably linked. One of these links is the motif of the "fairytale path". The purpose of this work is to investigate this motif, which, inter alia, updates the theme of the relationship between the creator and his creation, and the concept of duality.

Ключевые слова: Набоков; мотив; двоемирие; тема пути; сказочная тропа.

Keywords: Nabokov; motif; world duality; theme of the way; fairytale path.

Несомненно, русско-американский писатель Владимир Набоков — один из наиболее изучаемых эмигрантских авторов. Набоков был вынужден навсегда оставить родину в 1919 году — это событие отразилось на творчестве писателя, соответственно, тема пути, в частности мотив возвращения, непосредственно связанные с положением изгнанника, является одной из магистральных тем всего творчества Владимира Набокова.

Центральные темы творчества Набокова выделил А. А. Долинин в своей книге «Истинная жизнь писателя Сирина» [2, с. 15-16]: тему сознания (воспоминания, восприятие реальности как творения, сновиденческое погружение в воображаемые миры), тему пути (возвращение домой, изгнанничество, способы передвижения и в буквальном, и в переносном смысле), тему собственного творчества (герои — творцы, попытка самоопределения по отношению к литературной традиции), тему «потусторонности» (мир — платонический отзвук идеального, либо гностическое «искажение» божественного замысла). В итоге все эти темы сводятся к одной центральной и основополагающей метатеме «двоемирия», соответственно, все мотивы, аллюзии, детали служат одним из важнейших инструментов для её создания.

Матетема двоемирия крайне важна для нас. В рамках данного исследования она представляет

собой оппозицию, которую в целом можно описать так — мир идеальный-мир реальный.

Несмотря на то, что творчество Владимира Набокова — актуальная тема множества ученых трудов, остается множество лакун, требующих пристального внимания со стороны исследований. Так, последний законченный роман Набокова «Взгляни на арлекинов!» (1974) остается малоизученным, что представляется крайне удивительным, если принимать во внимание «многослойность» этого романа — кроме прочего автор наделяет персонажей не только чертами своей биографии, но и биографий героев других своих произведений (например, романов «Подлинная жизнь Себастьяна Найта», «Ада или радости страсти», «Дар»). «Взгляни на арлекинов!» в том числе перекликается с завершенном в 1932 году романом «Подвиг» за счет мотива «сказочной тропы».

Интерпретируя название романа «Подвиг» необходимо рассматривать два значения слова «подвиг»: в первую очередь, это общепринятое значение («доблестный поступок, дело»), во-вторых, «движение, стремление, путь, путешествие» [1, с. 716]. В романе повествуется о Мартыне Эдельвейсе и о его жизненном и эмигрантском пути. Нередко Набоков ведет героя по тем же тропам чужбины, по которым «ходил» сам.

В «Подвиге» мотив «сказочной тропы» вводится с помощью картины. В начале романа Набоков описывает детскую комнату Мартына, где на стене висит картина: «Над маленькой, узкой кроватью, с белыми веревчатыми решетками по бокам и с иконкой в головах (в грубоватой прорези фольги — лаково-коричневый святой, а малиновый плюш на исподе подъеден не то молю, не то самим Мартыном), висела на светлой стене акварельная картина: **густой лес и уходящая вглубь витая тропинка.** <здесь и далее выделение наше Е. Б.> Меж тем, в одной из английских книжонок, которые мать читывала с ним, — и как медленно и таинственно она произносила слова, доходя до конца страницы, как таращила глаза, положив на нее маленькую белую руку в легких веснушках и спрашивая: “Что же, ты думаешь, случилось дальше?” — был рассказ именно о такой картине с тропинкой в лесу прямо над кроватью мальчика, который однажды, как был, в ночной рубашке, перебрался из постели в картину, на тропинку, уходящую в лес. Мартына волновала мысль, что мать может заметить сходство между акварелью на стене и картинкой в книжке: по его расчету, она, испугавшись, предотвратила бы ночное путешествие тем, что картину бы убрала, и потому всякий раз, когда он в постели молился перед сном (сначала коротенькая молитва по-английски — “Иисусе нежный и кроткий, услышь маленького ребенка”, — а затем “Отче Наш” по-славянски, причем какого-то Якова мы оставляли должникам нашим), быстро лепеча и стараясь коленями встать на подушку, — что мать считала недопустимым по соображениям аскетического порядка, — Мартын молился о том, чтобы она не заметила соблазнительной тропинки как раз над ним» [5, с. 115].

Описываемая картина напоминает ту, что была когда-то в комнате самого автора; схожее описание присутствует в автобиографическом романе *Speak, Memory*. Мать Мартына Софья Дмитриевна также читала сыну английские книги, один из героев которых «перебрался из постели в картину, на тропинку, уходящую в лес» [5, с. 116]:

... and above the icon, high up on the wall, where the shadow of something (of the bamboo screen between bed and door?) undulated in the warm candlelight, a framed aquarelle showed a dusky path winding through one of those eerily dense European beechwoods, where the only undergrowth is bindweed and the only sound one's thumping heart. In an English fairy tale my mother had once read to me, a small boy stepped out of his bed into a picture and rode his hobbyhorse along a painted path between silent trees. While I knelt on my pillow in a mist of drowsiness and talc-powdered well-being, half sitting on my calves and rapidly going through my prayer, I imagined the motion of climbing into the picture above my bed and plunging into that enchanted beechwood—which I did visit in due time[7, с. 279].

В примечаниях к роману Долинин отмечает, что тропинка является инвариантом мотива пути и определяет литературный источник этого образа — сказка «Оле-Лукойе» Ханса Кристиана Андерсена [3, с. 718].

Мартын стремится вступить в параллельный идиллический мир картины. Затем мы узнаем, что «вступление» является лишь возможностью, а осуществлена она или нет, так и остается

неразрешенным вопросом: «Вспоминая в юности то время, он спрашивал себя, не случилось ли и впрямь так, что с изголовья кровати он однажды прыгнул в картину, и не было ли это началом того счастливого и мучительного путешествия, которым обернулась вся его жизнь. Он как будто помнил холодок земли, зеленые сумерки леса, излуки тропинки, пересеченной там и сям горбатым корнем, мелькание стволов, мимо которых он босиком бежал, и странный темный воздух, полный сказочных возможностей» [5, с. 119].

В романе «Взгляни на арлекинов!» мотив «сказочной тропы» проявляется по-другому. Роман представляет собой мемуары именитого русско-американского писателя Вадима Вадимовича Н. — описание его жизни в дореволюционной России, в Европе и США после эмиграции и отношений с четырьмя возлюбленными. Кроме того, герой повествует о своей необычной болезни — неспособности совершить мысленный разворот, оказавшись в точке П, то есть герой следует из точки В в точку П, «бегло воссоздавая череду попутных явлений – ребенка на качелях в саду виллы, кружение брызгалки на лужайке, пса, погнавшегося за мокрым мячом», но а затем не может «произвести воображаемый разворот, который обратит направление ВП в направление ПВ» [6, с. 127].

Мотив «сказочной тропы» появляется в самом начале романа. Вадим Вадимович повествует о том, как ему «... было восемнадцать, когда грянула большевистская революция — глагол сильный и неуместный, согласен, примененный здесь исключительно ради ритма повествования<...> В июле 1918 года я оправлялся от болезни, уже находясь в замке своего дальнего родственника, польского землевладельца Мстислава Чарнецкого (1880-1919?). Как-то осенним вечером юная возлюбленная бедного Мстислава показала мне сказочную тропу, вьющуюся через дремучий лес <...>. Я пустился в путь по этой тропе с рюкзаком за спиной и — почему не признаться? — с тревогой и муками раскаяния в юном сердце. Хорошо ли я поступил, бросив кузена в чернейший год черной русской истории? Знал ли я, как прожить одному в чужой стороне? <...> Когда я решил, что уже, должно быть, пересек границу, меня окликнул красноармеец с монгольским лицом и непокрытой головой, прямо у тропы обиравший кусты черники. “Эх, яблочко, куда ж ты котишься? — окликнул он меня и, подхватывая с пенька фуражку, приказал: — Показывай-ка документики”» [6, с. 10].

Роман «Смотри на арлекинов!» не только тесно связан с «Подвигом», но и в некотором роде отвечает на оставшиеся неразрешенными вопросы и сюжетные коллизии в более раннем романе. Кроме того, в своих творениях Набоков подвергает переосмыслению отдельные положения философии Платона. Мотив «сказочной тропы» является некоторой связующей нитью между романами, однако представлен в каждом из них по-своему, в рамках метатемы двоемирия, предстающей в разные периоды творчества Набокова по-разному.

Мотив «сказочной тропы», а именно картины с изображенной на ней тропой в романе «Подвиг» актуализирует тему двоемирия, которая в данном произведении коррелирует с дуализмом Платона и платоновской идеей о существовании идеального мира. Идиллический мир картины связан с детством - «раем по Набокову и миром истинного» [1, с. 100]. Мотив «сказочной тропы» в романе «Взгляни на арлекинов!» также связан с темой двоемирия, однако, являясь проводником в другой мир - мир чужбины, явно не характеризует ни один из членов оппозиции. Вероятно, роман соответствует канонам постмодернизма, т. е. автор не занимается поиском мира истины, а увлечен литературной игрой^[1], за созданным им мирами нет никакой философской подоплеки. Автор отсылает к более раннему роману, предопределяя читательское ожидание. Так как повествование это ожидание не оправдывается, можно сказать, что Набоков в некотором роде смеется над читателями, направляя их на ложный след «Подвига», и напоминает о своей безграничной демиургической писательской воле. Что объединяет «Подвиг» и «Взгляни на арлекинов!» — в обоих романах мотив «сказочной тропы» связан с темой возвращения в романах. Таким образом, в «Взгляни на арлекинов!» Набоков вновь переосмысляет тему возвращения, или перехода границы в иной мир, но уже на другом уровне, в другом контексте, свойственном позднему этапу его творчества.

Список литературы:

1. Бобина Т.О. Мотив детства как «потерянного рая» в автобиографической прозе русского

зарубежья / Челябинск: Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств, 2011. No. 1 (25). С. 96-102.

2. Долинин А.А. Истинная жизнь писателя Сирина: работы о Набокове / СПб.: Академический проект, 2004. - 397 с.

3. Долинин А., Утгоф Г. Примечания / Русский период. Собр. соч. в 5 т. сост. Артеменко-Толстой Н. предисл. Долинина А. прим. Сконечной О., Долинина А., Утгофа Г., Яновского А., Левинга Ю., Маликовой М., Тименчика Р. / СПб.: Симпозиум, 2006. Т. 3. С. 705-838.

4. Мельников Н. Портрет без сходства. Владимир Набоков в письмах и дневниках современников (1910-е — 1980 годы) / М.: НЛО, 2013. - 264 с.

5. Набоков В.В. Подвиг / Русский период. Собр. соч. в 5 т. сост. Артеменко-Толстой Н. предисл. Долинина А. прим. Сконечной О., Долинина А., Утгофа Г., Яновского А., Левинга Ю., Маликовой М., Тименчика Р. / СПб.: Симпозиум, 2006. - Т. 3. - С. 94-250.

6. Набоков В.В. Взгляни на арлекинов!: роман / пер. с англ. А. Бабикова. - 2 е изд., испр. и доп. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. - 352 с. - (Азбука-классика).

7. Nabokov V. Speak, memory: An autobiography revisited. 1989. - P. 279.

^[1] Нередко Набокова считали настоящим литературным игроком, например, о параллельных мирах как о фокусах писал Альфред Кейзин в 1969 году: «... его ощущение реальности так сложно и запутанно, что он научился искусству отделять себя от “сна разума”, не быть при этом связующим звеном между первым и вторым, но в то же время представлять их как **другую версию реальности**, как **фокус** из его набора фокусника... Единство времени для художника-наблюдателя. Время — огромный круг, чья окружность — везде... Мир литературы — его мир... Владимир — мастер слова; он строит предложения таким образом, чтобы увидеть, куда они его заведут...» [4, с. 132]